

ШЕВЧЕНКО В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

МАРШАЛКОВСКИ, Тео-Теодор,

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

В статье Т.-Т. Маршалковски рассматривается мало разработанная в литературной критике проблема места Шевченко в пространстве и времени. Тем временем, этот аспект существенным образом подтверждает всемирное значение творчества писателя, его привязанность к родине и родному языку, а также исключает суждение о примыкании его к националистическим течениям.

Ключевые слова: пространство, время, нация, национальное сознание, межнациональное сознание, «национализм», космополитизм, гуманизм, модель, родина, язык, глобальное мышление, культура «малых форм», социальный протест, десконсервация, трехмерное измерение, четырехмерное измерение.

There is considered a less developed problem in literature about Shevchenko's place in space and time. Thus it is substantially confirmed the world-wide significance of the writer, his objective attachment to his homeland and his mother tongue, and it also excludes assertions of abutting to nationalist judgments.

Key-words: space, time, nation, national identity, inter-national identity, "nationalism", cosmopolitanism, humanism, model, motherland, language, global thinking, culture of "minor forms" social protest, deconservation, tridimensional measurement, four-dimensional measurement.

Опыт указывает однозначно, что в каждом этническом сообществе функционируют определенные внутренние законы. Комплексно они выступают в качестве основного элемента, характеризующего специфику определенной группы людей. Это есть *нация* и *национальное сознание*, которые функционируют комплексно вместе с другими явлениями сообщества людей. Все вместе взятое составляет воззрение, которое выходит за пределы конкретностей. В этом концептуальном созвучии художественная литература способна разработать целый ряд идеальных догадок и объективных критериев, локализованных в промежуток между обычными предметами и движением субстанции в пространство и время. У Тараса Шевченко – Кобзарь, поэт, прозаик, живописец, этнограф, основатель современной украинской литературы, одного из главных носителей украинской культуры и языка – эта модель функционирует непрестанно и эффективно. Деятельность, в том числе художественное творчество, этой выдающейся личности всецело подчинена глобальным проблемам человечества и его маленькой родины. По меткому определению А. Афанасьева-Чужбинского, он совершил „*погляд на эпоху*” [7: 87] своего времени и предвидел с точностью будущее, включая и грядущую самостийность его страны.

Отталкиваясь от этих общих положений, особо заметно, что Шевченко не имел никакого отношения к тому, что включает в себя понятие «*национализм*». Академику Александру Корнейчуку, автору сталинской эпохи, удалось смело защитить Великого Писателя [3:5,19]. Попытки обвинить Шевченко в не-нависти к другим народам, языкам и культурам лишены всяких оснований, надуманы и политизированы. Несмотря на это, даже в наше время, глумятся над его памятниками (города Донецк, Бельцы, к примеру), выдавая тем самым негативное отношение отдельных кругов к величию поэта-трибуна. Сам же поэт поднялся

значительно выше такого рода оценок, подарив украинскому народу в чистом виде *национальное сознание*, а мировой культуре *модель достойного уважения ко всему человеческому*. Так же его нельзя считать *космополитом*, т. к. слишком сильно был привязан творчеством и любовью к своей измененной Украине. Его «*космополитизм*» выражен яркими красками полного уважения к другим народам, языкам и проникнут глубоко идеалами *гуманизма*. В таком случае, охваченное пространство и время формируют незабываемый синтез его философских, художественных и общегуманистических взглядов.

В этом контексте, на вид противоречивом, Шевченко занимает передовые позиции в мировой культуре. Об этом написано большое количество научных разработок. И. С. Тургенев, современник писателя, отмечал в своих воспоминаниях, что «*едва ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть не мировое значение*» [12: 562]. Авторы однозначно определили, что в центре всего его наследия находится *незабываемый национальный патриотизм*, который согласован утонченно с универсальными явлениями. Так что уже по этим признакам Шевченко является автором оригинальных концепций и, тем самым, проник глубоко в сущности *пространства и времени*.

Таким образом, замечательный писатель и общественный деятель занял ведущие позиции в объективной оценке того, что волновало общество и человека в самом широком смысле этих значений. Сказанное не апофеоз, а суть вещей. Не случайно Александр Корнейчук выделял, что поэт стоял «*на вершині тогочасної передової культури*» [3:12], а другой видный украинский ученый литературовед, Борис Олейник, во введении к сочинениям Шевченко в пяти томах, определил «*могутній талант..., а за глибиною знань у всіх сферах людського духу рівний енциклопедистам*» [9:9].

Кобзарь родился в крепостной семье своей Украины, которую «*Я так її, я так люблю/..., / Що проклену святого Бога, // За неї душу погублю*» [10: 31]. В концентрированном виде этот рустикальный фактор составляет одну из важнейших координат творчества и деятельности Шевченко, существенным измерением пространства. Через родные просторы, посредством своего языка и крепостного быта, всей широты места обитания, воли по вертикали и горизонтали познавал мира. Иначе как можно понять знаменитый лирический постулат: «*Там найдете щире серце // І слово ласкаве, // Там найдете щиру правду, // А ще, може, й славу*» [1:126-127]. Отсюда идет накопление энергии, приведшей к творческому взрыву и социальному протесту. Следовательно, это есть первичное в его *концепции*, упорная точка ухода в *пространстве и времени*.

Шевченко, как больше никому, было дано познать суровые реалии жизни, социальные и политические недуги, которые висели над свободой вольнодумца и, понятно, над его родиной и народом. «*Невесело, сину! Дніпро на нас розсердився, // Плаче Україна - / і я плачу*» [11:131], дозирует великую правду мыслитель. Во время пребывания в России страдания по Украине усилились. Там, из центра империи, достоинство и преимущество родных мест оценивал с особым драматизмом и намного эмоциональнее. Общение с передовыми деятелями русского общества не снимало это психологическое состояние и накладывало неизгладимый отпечаток на его творчество. Тесные контакты с акти-

вистами украинской диаспоры и видными представителями русского общества открывают перед Шевченко путь к объективной переоценке ряда вещей в природе общества. Так, ему удается стать первооткрывателем в определении целого ряда отличий в культуре двух народов: «*А на москалів не вважайте, вони пишуть по-своєму, а ми по-своєму. У їх народ і слово, і у нас народ і слово. А чіє краще, нехай судять люди*» [5:314], осозная, безусловно, конечный итог в пользу родного языка и его письменности. Тут, скорее всего, присутствует не компромисс, а подтверждение важности собственной языковой и письменной культуры, униженной до предела царским режимом.

В России, стране с уже разработанными демократическими идеями, носителями которых были Некрасов, Чернышевский, Полонский, петрашевцы и другие представители русского общества, Шевченко неустанно пропитывался знакомыми и незнакомыми реалиями. В этой среде, с ее резкими противоречиями, взоры писателя мгновенно уходили в родные многоцветные дали Украины. «*Нема на світі України, / Немає другого Дніпра*» [11: 5] или: «*Красується, лю-бується / На всю Україну // А понад ним зеленіють / Широкії села // А у селах у веселих / Люде веселі*» [8: 104]. Эти кличи, дух страданий характеризуют внутренний мир поэта, а заодно и типологию пространственных измерений в параметрах логических соотношении. А там, где несправедливость брала явный верх, Шевченко прибегал к более радикальной поэтике: «*Дніпро, брат мій, висихає, // Мене покидає, // І могили мої милі // Москаль розриває...*» [10: 252].

Общее положение дел в царской России, крепостничество и отношение властей к самому писателю накладывали свои отпечатки на содержание и характер его творчества. Эти явления способствовали процессу акселерации и вывода творчества Шевченко на более радикальные уровни. Многосторонний анализ литературных писаний и живописи позволяют заключить, что он торопил *время*, направляя его эффектно в бытие *пространства*. Здесь выдающийся украинский деятель согласовывал эти две философские категории, создавая тем самым единую систему собственных воззрений в оценке своей эпохи. С другой стороны, он вечно (*торопя время*) искал пути и методы рационального разрешения существующих «*погрешностей*» в человеческом обществе. При внимательном исследовании творчества Шевченко обнаруживается его стремление направить *время* в *пространстве* до критериев идеального совершенства. И все это происходило в условиях господства в науке концепции *ньютоновской механики*, до ее замены *теорией относительности* Эйнштейна. Можно смело заключить, что Шевченко, впрочем, как и Еминеску, проник глубоко в понимание материи пространственно-временных величин. Собственно, это составляет эпицентр, концентрацию идей, суть и направленность его философских и художественных взглядов.

В конкретном виде *пространство* включает такие основополагающие понятия как Украина, Днепр, народ, родной язык, небо, синь и все, что окружает поэта. Контакты с этим миром существительных формирует материальную основу для полного творчества и мощного социального протеста. Реверберация пространственных уровней, темперамент их чувственных восприятий *отличают* значительным образом писателя от остальных деятелей литературы

своей эпохи. У него поэмы выражают вулканический порыв и страстное желание восстановить логическое соотношение вещей в обществе. Осознавал, что борьба не всегда может дать желаемых результатов. В таком случае писатель погружался в мир глубоких внутренних переживаний, а *пространство* и *время* становились «временными убежищами», символами свободы. Технически это проявлялось в виде ухода в мир конкретностей.

Анализ показывает, что Шевченко работал не только в трехмерном измерении, как это делали большинство деятелей литературы, а в четырехмерном, что неминуемо выходило на широкое поле *времени*, на борьбу и ожидание торжества правды. Трехмерное измерение – вертикаль, горизонталь и глубина – остается нетронутыми. Таким образом, он вырабатывает своеобразную ткань, которая объединяет географические параметры, социальные аспекты и политические взгляды.

В принципе это и есть одна из тайн творчества, умения проникать вглубь проблем и способность влиять на процесс формирования индивидуального и общественного сознания. Вся его «запредельная деятельность» беспокоила чиновников. Граф А. Орлов, шеф жандармерии, доносил царю, что этот украинец «сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания» [11: 40], имея в виду, что он может спровоцировать антиправительственные настроения в России. В конечном итоге, все так и происходило. Тут Иван Дзюба и Микола Жулиньский справедливо отмечали, что: «*Але щоб краще зрозуміти його як нашого сучасника, треба повністю осягнути його як сучасника людей, проблем, суспільства ХІХ століття. Він сам приходив у наш день. Але й ми повинні йти в його час. Лише так між нами й ним буде глибше взаєморозуміння*».[11: 9].

Шевченко переживал горькую судьбу любимой Украины, страны добра и радости, в которой, после долгих странствий, искал покой. «*Як умру, то поховайте / Мене на могилі, / Серед степу широкого, / На Вкраїні милій, / Щоб лани широкополі / І Дніпро, і кручі / Було видно, було чути, / Як реве ревучий*» [6: 119]. В понятия *Вкраїна* и *Дніпро* включал все бесконечные просторы от запада до востока, от севера до Черного моря. Мучительно страдал, когда население растворялось в массе проводимой реакционной национальной политики царизмом. «*Січ зруйнували: / Хто на Кубань, хто на Дунай / Тільки і остались / Що пороги серед степу*»[6: 119]. Поэт имел в виду и северокавказские земли, на которых поселялись украинские казаки, процесс насильственной русификации этого населения. Что касается Дуная, то рассматривает ее по эпическим соображениям как символ величия и братства с Днепром – главной великой и могучей водной артерией любимой родины [10: 7].

Говоря о жизни и деятельности Шевченко, невозможно пройти мимо одной фундаментальной проблемы. Речь идет о значении Украины в истории восточных славян. На наш взгляд, она в историческом и культурологическом аспектах разработана недостаточно. Довольно часто авторы недооценивают появление славяно-украинской культуры и цивилизации, искусственно придавая им второстепенные позиции. В этом смысле видение Тараса Шевченко подчинено всецело правде, особенно там, где охватывал гармонично все украинское

пространство. Такой широкий охват и озвучивание его художественными средствами побудило в отдельных кругах предвзятое неуважение к Кобзарю.

Дело в том, что изначально центром славянской культуры являлся Киев и другие урбанистские центры Украины. Сюда непрерывно стекали древние культуры Междуречья, Персии, Греции, Рима и «малых форм» мигрирующих племен. Эпопея Гильгамеша присутствует в украинских легендах и былинах. Плач Ярославны воспроизводит эпизоды из персидской традиции. Начиная с VII в. до н. э., Украина вошла в устойчивые контакты с Древней Греции. Но это особый разговор.

Мы же коснемся лишь того, что весь духовный и материальный импорт древних цивилизаций повлиял непосредственно на украинскую культуру. А уже потом накопленный и переработанный арсенал ценностей передавался щедро остальным восточным славянским народам. И не только. Это положение аксиоматично и не нуждается в комментариях. Оно стоит выше всяких измышлений или физических воздействий, как это имеет место в Крыму и на юго-западе исконно украинских земель во втором десятилетии нынешнего века.

Правда в том, что *деконсервация* ранней украинской этнической и культурной цивилизации завершилась образованием *восточнославянских этнических сообществ – российской и белорусской*. Это происходила параллельно с генезисом дако-романо-валахо-румынского этнического пласта. Между этими двумя культурами шел непрерывный процесс обмена. На наш взгляд, это привело к тому, что украинский язык, в сравнении с другими славянскими языками, отличается мелодичностью и нежным колоритом, приближаясь по своему звучанию к группе романских языков.

Таким образом, Шевченко суждено было разработать механизм синтеза между человеком и проблемами общества. Утопию, мистику, фантазию заменил философскими категориями *пространства и времени*, предвидя тем самым эволюцию следующих веков. Это результат целенаправленной деятельности писателя, мыслителя и гуманиста. В центре внимания его взглядов и творчества находится неустанная борьба за торжество справедливости над злом, как на родине поэта, так и за ее пределами. «*Встане правда! встане воля! / І Тобі одному / Помоляться всі язика / Вовіки і віки./ А поки що течуть ріки, / Кривавій ріки!*» [10: 343], восклицает Тарас Шевченко в ключе собственных художественных и концептуальных измерений романтизма и реализма, а по общей направленности и в *пространстве* и во *времени*.

Литература

1. Шевченко, Т.. Кобзарь. СПб, 1840 (факсиміль).
2. Заповіт, 25 грудня 1845 року, Переяслав.
3. Акад. Корнійчук, О. Є.. Шевченко, Тарас Григорович. Критико-біографічний нарис. // Тарас Шевченко.
4. Повна збірка творів в трьох томах. Том I. Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1949.
5. Шевченко, Т.. Повне зібрання творів у 6 т. Том VI. Київ, 1964.
6. Шевченко, Тарас. Кобзар. Київ: Дніпро, 1970, с. 119 (Епілог)
7. Афанасьєв-Чужбинський, О. С.. Спомини про Шевченка, Т. Г. // Изборник, Київ, 1982.

8. Шевченко, Тарас. Твори в п'яти томах. Том II. Київ: Дніпро, 1984.
9. Олійник, Борис. Ясновидець. Вступна стаття.// Тарас Шевченко. Твори в п'яти томах. Том I. Київ: Дніпро, 1984.
10. Шевченко, Тарас. Зібрання творів у 6 т. Том I, Поезія. 1837 – 1847, Київ, 2003
11. Дзюба, Іван, Жулинський, Микола. На вічному шляху до Шевченка. Попередня головна наступна: Шевченко, Тарас. Зібрання творів у 6 т. Т. 1. Поезія 1837-1847. Київ, 2003.
12. Воспоминання о Тарасе Шевченко. – Киев: Дніпро, 1988.